

Григорий Барац

Четыре времени жизни

Удобнее всего наблюдать за Людкой с крыши дворовой уборной. Окна квартиры второго этажа приземистого двухэтажного флигеля на Старопортофранковской выходят во двор. На том же уровне всего метрах в десяти – крыша. Покрытая толем, летом она накаляется, пахнет смолой и прилипает к трусам и майкам пацанов, оставляя невыводимые мазутные разводы.

Появляется Людка, обычно с пузатым запотевшим графинчиком холодной водки. Ставит его не на круглый обеденный стол посреди комнаты, а на тумбу с трехстворчатым зеркалом – у самого окна. Задергивает тюлевые занавесочки, сквозь которые ее фигура приобретает воздушность и загадочность. Усаживается на крутящийся стул. Находит среди разнообразных флакончиков духов, баночек и тюбиков с мазями и кремами небольшую хрустальную рюмочку.

Что шепчет Людка, налив рюмку и поднеся ее к зеркалу, мы не слышим. Да нас это и не интересует. Выпив подряд две, а то и три рюмки, Людка делает вид, что ей жарко. Она сбрасывает расклешенный халатик с пояском на талии – «à la Гурченко» – с глубоким декольте, окаймленным рюшечками, оставаясь только в прозрачном лифчике и кружевных трусиках. Ни у кого из наших мам или старших сестер не было такого белья. Их одевала швейная фабрика имени Крупской в серо-бурые панталоны, трико и бюстгалтер с подвязками-резинками, к которым крепились чулки. Самое красивое женское тело в этом одеянии переставало быть привлекательным.

Петр Первый

К красивому белью и модным шмоткам пристраслил Людку ее «Первый», ее Петр. Она втрескалась в него с первого взгляда. Это было летним утром предвоенного года, когда ватага пацанов и девчонок, отмечавших окончание неполной средней школы, вылетела к причалу порта встречать рассвет. Людка оказалась прямо у трапа пришвартованного прогулочного катера.

На палубе стоял белозубый загорелый крепыш. Тельняшка и брюки клеш разделены кожаным ремнем со сверкающей бляхой и якорем посредине, синяя пилотка, из-под которой выглядывают золотые кудри. Что еще надо неискушенной девчонке, чтобы влюбиться! Он подал ей руку, и она перешагнула через свое детство. Он увел ее в теплую летнюю ночь, в искрящуюся ласковую волну, в согретую солнцем за день постель золотого песка.

Он баловал ее. Папиросы «Сальве» котировались у иностранных моряков по высшему курсу. За шелковую цветастую косыночку вполне достаточно было одной малой пачки из десяти папирос. Блузочку с буфами, о которой Людка мечтала, он сменял у французов за две большие двадцатипапиросные пачки. Столько же понадобилось, чтобы добыть ей тряпичные итальянские босоножки.

Новый год они встречали вместе у моря, на бульваре Фельдмана в веселой подвыпившей толпе таких же неприкаянных влюбленных. Попытка проникнуть в общагу была обречена. Комендант, старый бобыль, бывший тюремный надзиратель, получив в награду вместе с должностью собственную комнату, находился в общежитии неотлучно.

Петр, ее «Первый», жил в общаге с тридцать седьмого, после ареста отца – военинженера второго ранга Ивана Петровича Адамиди, «члена антисоветской троцкистской организации». Мать он видел только на фотографии. Она умерла, недокормив его, во время голодомора начала тридцатых.

Пришлось довольствоваться «хоромами» Людкиной семьи, состоящими из одной комнатухи в коммуналке. В ней умещался сундук – спальное место отца, шифоньер, круглый обеденный столик, раскладная Людкина койка и семейная релик-

вия – трехстворчатое туалетное зеркало. Отец, путеец, уехал на недельную вахту. Соседский дед – тугой на ухо колченогий инвалид и добродушный выпивоха, с соседями не контактил, даже когда их видел.

В ту новогоднюю ночь она пообещала родить сына. Он целовал ее тонкие шелковые руки, пухлые ладошки, налившиеся грудки и просил девочку. В Центральном ЗАГСе на Ришельевской неулыбчивая женщина с косой-бубликом на макушке, в строгом деловом пиджаке с белым воротом рубахи навыпуск, ухмыльнувшись порочной улыбкой в ответ на их просьбу зарегистрировать брак, произнесла: «Закон не разрешает». Ему не хватало полгода до восемнадцати, ей – столько же до шестнадцати.

Умереть за Родину Петру, отметившему свое совершеннолетие за несколько дней до начала войны, закон разрешил. Если бы не торопился, успел бы округлившуюся Людку поздравить с получением паспорта. Но побежал в военкомат еще до вручения повестки, поклявшись вскоре вернуться с победой. Ни он, ни она обещание свое не выполнили. Она потеряла ребенка во время первой бомбежки города в июле, когда оглушительным взрывом снесло часть дома. А треугольничек о его гибели в Крыму она получила в августе, за неделю до эвакуации в Омск.

К выпивке Людка пристрастилась во время войны. Работала санитаркой в госпитале. За смену такого насмотришься, что без мензурки спирта не уснешь...

Наполнив стопочку и отработанным движением опрокинув ее в себя, Людка медленно повернулась к открытому окну. Легкий ветерок слегка шевелит прозрачные занавески. Пацаны перестали дышать. Усевшись в форме лотоса и скрестив руки, она прикрыла грудь. Вдоволь поиздевавшись над юными вуайеристами, она на мгновение открылась. Тотчас груди лисьими носиками отвернулись друг от друга, что вызвало шумный вдох восхищения мальчишек. Но гуттаперчевые руки вновь лианами обвили тело. Облокотившись о туалетный столик и повернувшись полубоком, Людка вращает длинными ногами воображаемый велосипед. Ах, как любил целовать пальчики ее рук и ног ее «Второй», ее Яшка, Янкель Никельсон!

Янкель. Второй

В тыловой госпиталь младшего лейтенанта Якова Никельсона привезли в «корыте». В прифронтовом медсанбате его залили по пояс гипсом и два месяца везли санитарным эшелонам в Омск. Ранение он получил тяжелое. Трассирующими пулями из станкового пулемета ему перебило тазобедренную кость и обе ноги. За взятого в плен зондерфюрера он получил орден Красной Звезды и прибавку к денежному довольствию – пятнадцать рублей в месяц, правда, купонами к орденской книжке.

В госпитале Яшка стал всеобщим любимцем. Пел блатные одесские песни, рассказывал анекдоты, наизусть читал стихи Пушкина, Лермонтова, Багрицкого. Людка, работавшая в госпитале медсестрой, сразу запала на этого парня. А когда узнала, что он из Одессы, прилепилась к нему душой. В ночную смену могла до утра слушать его побасенки.

Через пять месяцев, когда раскололи гипс, белесые Яшкины ноги казались мертвыми. Массаж кедровым и пихтовым маслом, которые Людка делала ему ежедневно, оживили почти атрофированные мышцы. Но оказалось, что кость левой ноги срослась неправильно. Нога стала короче на семь сантиметров. В ЗАГС тем не менее он шел, почти не хромя. Людка нашла кустаря-сапожника, который из ее хромовых сапожек изготовил разновысокие ботинки, не забыв при этом слямзить остаток хромовой кожи. Двубортный пиджак Яшка справил на свои деньги. Подвенечное платье ждало этого часа уже четыре года.

О возвращении в Одессу они говорили каждый вечер, когда Людка приходила с работы. Нужны были деньги на переезд и обустройство. Яшкиной пенсии и Людкиной зарплаты им не всегда хватало даже на скромные харчи. Специальности у Яшки не было – со школы прямиком в армию. Носить-таскать не мог – хромота не позволяла. Кое-какой приработок был. Выстругивал детские игрушки: кубики, колесики, свистульки – и продавал их на базаре.

Здесь и встретил Яшка того самого зубного врача, который выдергивал ему молочные зубы, а позже лечил кариес и ставил пломбы. До войны в Одессе тот приятельствовал с Яшкиными ро-

дителями. Здесь работал главврачом. Расспросив Яшку о жизни, предложил ему работу уборщиком.

Работал Яшка добросовестно, но замирал, разинув рот, глядя, как техники делают протезы. В их руках бесформенный воск превращался в маленькие скульптурки зубов. Неподдельный интерес уборщика не остался незамеченным главврачом. Он разрешил Яшке учиться.

Поначалу Людка не поверила, заволновалась и заревновала, когда Яшка с утра до вечера стал пропадать на работе. Но когда его официально оформили техником, и зарплата выросла втрое, сомневаться Людке в его правдивости и преданности не приходилось. В клинике Яшкой тоже были довольны. Как он добывал дефицитные материалы, не знал никто. Он щедро делился с коллегами стальными гильзами для изготовления коронок, пластмассовыми протезами зубов и специальным зубопротезным цементом. Но источник дефицита держал в тайне.

Новость о том, что принято постановление правительства «О трудоустройстве и материально-бытовом обеспечении инвалидов Отечественной войны», которой поделился с Яшкой тот же главврач, стала убедительным аргументом в пользу возвращения домой, в Одессу. Но, пожалуй, решение окончательно созрело после того, как в клинику наведалься сотрудник ОБХСС (отдела борьбы с хищениями социалистической собственности).

Дом на Мещанской, где до войны жили Никельсоны, был цел и невредим. Но Яшка не узнал его. Прежде не закрывавшиеся двери квартир, из которых исходили запахи украинско-еврейских блюд, были заперты. Окна его квартиры на первом этаже смотрели во двор. В сумраке комнат никого не было видно. Он робко постучал по стеклу и подошел к двери. Ждать пришлось недолго. Во двор вышел высокий широкоплечий молодой парень в бескозырке без ленточек, тельняшке и накинутом на плечи морском черном бушлате. Яшка с трудом узнал его. Это был его сверстник, сын дворничихи, с которым они мальчишками то дрались, то мирились. Он стоял перед Яшкой, как скала, глядя исподлобья и загоразживая собой дверь в квартиру. На попытку Яшки напомнить, что тут жила до войны его семья, парень, схватив его за плечи, рывком развернул лицом к воротам и поддал коленкой под зад.

Никаких документов на квартиру у Яшки не было. «Надо в горисполком жаловаться», – надумила Людка. Ответ угрюмого чиновника был лаконичен и прост: «Жилья нет. Сам ищи». Несколько дней поисков успеха не принесли, но Яшка узнал, что припрятанными от властей квартирами спекулируют управдомы и дворники и что взятка за квартиру должна быть не меньше тридцати тысяч рублей. «Таких денег в куче», по выражению Яшки, он сроду не видал.

Во двор, где располагался ЖЭК, Яшка вошел, вооруженный двумя поллитровками водки «Главспирта», обошедшимися ему в сто пятьдесят целковых, большой лиловой цибулей и четвертью буханки черного хлеба. На стук в дверь никто не отозвался. В полутемном холодном коридоре никого не оказалось. И только по грубому окрику: «Кого там несет?» – заставившему его вздрогнуть, стало понятно, что управдом на месте.

Перед тем как присесть, Яшка выложил на стол весь арсенал. Управдом молча достал две алюминиевые кружки. Оказалось, что воевал он в той же шестой гвардейской и ранен был на пару месяцев позднее. Но отдать Яшке заныканную квартиру на Старо-портофранковской без хабара не мог – большую часть нужно было отдавать «наверх». Сговорились за двенадцать. Две за ордер, а десять через год за прописку.

Как ни старался Яшка, работая в стоматологической клинике на сдельщине, ничего, кроме вымпела «Ударник соцтруда» и зарплаты, которой хватало на прокорм, он получить не мог. Срок возврата долга приближался неумолимо, а собрать деньги не удавалось. Поэтому Яшка хоть и настороженно, но с любопытством слушал незнакомца в сером каракулевом пирожке на голове и замороженно смотрел на желтую монетку, зажатую между его пальцами. Тот предложил Яшке сделать коронки из «рыжья» – царского червонца, и за плату втрое больше обычной. Почему нет?! В довесок достались Яшке «отходы производства» – золотые обрезки и опилки.

Одесское сарафанное радио разнесло от Лузановки до Черноморки, от Александровского до Дюковского парка весть о Яшкиных способностях. Народ повалил к нему косяком. В кармане у Яшки повеселело. Долг был отдан вовремя. Людка обновила гардероб. Яшка баловал ее золотыми безделушками и иностранными шмотками

из комиссионки. Увеличили и отремонтировали свою квартиру, присоединив освободившуюся после смерти соседской старушки смежную комнату в коммуналке. Купили новую мебель. Трижды съездили летом в Сочи. Подкопили на покупку «Москвича».

Не предполагал неискушенный Яшка, что указ «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил валютных операций» относится и к его искусной работе. Сначала сотрудники ОБХСС, затем КГБ и суд предоставили ему возможность осознать свою вину в течение двенадцати лет в лагере строго режима. Но весь срок Яшке тянуть не пришлось. И года не прошло, как прихватило двустороннее воспаление легких. Недели две в лазарете, где кроме спирта и пирамидона – ничего. Последние дни бредил. Сухие потрескавшиеся губы шептали: «Людка, Людочка...».

Михаил. Третий

Денег, отложенных на покупку «Москвича», и Людиной небольшой заначки, припрятанной от Яшки, надолго не хватило. Пенсии за умершего инвалида войны, как объяснили в районном собесе, ей, «здоровенной сорокалетней трудоспособной кобыле», положено не было. Каждое сданное в ломбард золотое украшение отодвигало Людино обнищание на два-три месяца. Без образования она могла рассчитывать разве что на место уборщицы или санитарки – и то за приличную взятку...

На Михаила, соседа по галерее второго этажа, который был ниже Людки на полголовы, она внимание не обращала. Мишка же, сорокалетний убежденный холостяк, поклявшийся никогда не жениться, сразу запал на статную блондинку. Балагур и анекдотчик, он немел и покрывался испариной, когда встречал ее.

Знаки внимания Мишки не заметить было невозможно. Они выражались во все большем количестве пакетов, коробок, банок и бутылок, оставленных у двери Людиной квартиры. Не отблагодарить Мишку, выстроившего у ее порога перед Новым годом батарею «Советского шампанского», Людка не смогла... В простенок, разделявший их смежные однокомнатные квартиры, была вставлена дверь, хотя объединять квартиры и оформлять брак не стали.

Раздобревшая и повеселевшая Людка вернулась к прежним домашним заботам и увлечениям: базар, кухня, постель и окно.

...Звонком к началу представления служат скрежет и хлопок металлической калитки палисадника, сопровождающие выход «Третьего» – Мишки Кнобеля, на вторую смену в порт. Летнее пекущее солнце поджаривает спины нового поколения мальчишек, испытывая их терпение. Но для пацанского, еще не вполне осознанного чувства влечения к женщине это не испытание. Продравшиеся сквозь листву и почти невидимую занавесочку солнечные лучи, как софиты, освещают каждую клеточку Людкиного роскошного тела. Впрочем, с крыши видна лишь нижняя половина – от бедер до розовых пяток.

Затаив дыхание, мальчишки с восторгом наблюдают, как ей удается удержаться, поворачиваясь на узком сидении табурета. Она балансирует, сохраняя равновесие, и от этого ее белые, как мрамор, икры подрагивают. Длинные, в половину роста, ноги не идеально прямые. Их контур образуют плавно изгибающиеся линии, а узкие просветы между ногами придают необычайную привлекательность. Просветы над ступнями проявляют изящество тонких лодыжек с натянутой струной ахиллова сухожилия посередине и впадинками с обеих сторон. Просвет над точеными икрами разделяют круглые улыбающиеся мордашки колен с ямочками на щечках...

Кликуху «Шнобель» Мишка, бригадир портовых грузчиков, заслужил не только за созвучие с его фамилией и даже не за хищный нос с горбинкой. Уж больно охоч он был до всякой дармовщинки, вынюхивая и выслеживая, где что можно слямзить. Не смущаясь, частенько повторял присловье о самом себе: «Все, что плохо там лежало, его сильно раздражало». Не выходил из порта без чего-нибудь в карманах, за пазухой, а то и просто в рюкзаке.

По тому, что Шнобель приносил домой, можно было с первого раза угадать, с каким грузом зашли в порт суда. Мелкий воришка, он не был скрягой. Перед тем как войти во двор и подняться к себе на второй этаж, он раскрывал свою поклажу и щедро делился с соседями, собиравшимися к его приходу у ворот. Хрущевские годы были не то чтобы голодными, но и не сытыми.

Обувь и одежду для Людки – от платья до шубки – он заказывал морякам, ходившим в загранку. Пока те были в рейсе, Мишка регулярно пополнял съестные запасы их семей, опять же из того, что удавалось слямзить в порту.

Не стало Мишки в одночасье. Погиб нелепо, все по той же причине – неудержимой kleптомании. Во время шторма бродил по причалу, выискивая, что можно стырить, пользуясь отсутствием людей.

Откатная волна затащила его в море между причалом и судном.

Никита. Четвертый

Свой «ягодный» день рождения в пекучем июле семидесятого Людке встречать было не с кем. Решила провести день на пляже. Излюбленным Людкиным местом в Аркадии был не сам пляж, а густые кусты жасмина в поросшем травой и бурьяном овраге, тянущемся вдоль центральной аллеи – от конечной остановки трамвая и до песочного берега. Ее шелковистое бело-розовое тело терпело ультрафиолет солнечных лучей не более нескольких минут, которых хватало на то, чтобы дойти до воды, окунуться и вернуться в тень огромного тополя, на стволе которого были вырезаны признания в любви еще с ятями и ижицами.

Здесь, у парапета заброшенного фонтана, в котором плавали зеленые лягушата и головастики, она прощалась со своей молодостью, вспоминая сквозь дрему счастливые денечки. Не подзревала Людка о счастливой встрече, которая приближалась вместе с вышагивающим в ее сторону высоким черноволосым усатым мужчиной в белой рубашке с портфелем, несоразмерно маленьким в его руке, и перекинутым через плечо пиджаком, из кармана которого свешивался язык синего в крапинку галстука.

Он улыбался, как могут улыбаться хозяева жизни, – открытой, излучающей добро и надежность улыбкой. Попросил приглядеть за аккуратно сложенными на портфеле вещами. Размялся, поигрывая налитыми мышцами и лукаво поглядывая на Людку. Вернулся со стекающими с шевелюры на мощные плечи струйками воды. Не отказался от предложенного Людкой полотенца. В портфеле оказалась бутылочка пятизвездочного «Белого аиста», шоколадка

«Аленка» и складной стаканчик – правда, один. Выпивали попеременно, но с обязательного в Одессе третьего тоста «за тех, кто в море», на брудершафт, с переплетенными в локтях руками и целуясь, сначала в щечки, а затем и в губки. Заполировали бутылочкой «Советского шампанского» в прибрежном ресторанчике «Волна»...

Больше всего Людка боялась проснуться и не застать Никитушку в постели. А когда, еще не открыв глаза, почувствовала его теплую ладонь на своей груди, испугалась еще больше. Представила, что станет каяться, что, мол, с пьяного глаза, что дома волнуются жена и дети, или того хуже – станет совать в карман халата деньги. Но это волшебное воскресное утро возродило в ней угасающую надежду любить и быть любимой.

Осторожно откинув махровую простыню, она на цыпочках, вдоль стенки обойдя скрипучие в центре комнаты половицы, пробралась на кухню. Почувствовала, как возвращается забытый на время одиночества хозяйственный зуд. Пока варилась картошка в мундирах, ловко разделала малосольную скумбрийку. Настрогала большую белую цибулю и, как учил ее Янкель, посолила, посахарила, заправила жареным подсолнечным маслом и уксусом. Взбила в сковородке пару яиц со сметаной и мукой, но жарить омлет не стала.

Тихонько вернулась в комнату и, присев на краешек раздвижного дивана, залюбовалась сладко спящим мужчиной. Она и пикнуть не успела, как он ловким стремительным движением обхватил ее талию, притянул к себе и, распахнув халатик, обцеловал всю, приостанавливаясь в те моменты, когда она замирала, прикрыв глаза и затаив дыхание. Завтрак незаметно перешел в обед, а затем и в ужин. Завороженно слушала она рассказы о его довоенном детстве, об эвакуации и войне на Дальнем Востоке.

Как сейчас помнит Никита, что получил повестку восемнадцатого октября сорок четвертого – в день, когда Левитан сообщил, что Красная армия с боями вышла на территорию Восточной Пруссии. Он ждал призыва весь год. Лично хотел мстить фашистам за погибшего отца, за умершую в эвакуации маму...

До сих пор по ночам снятся ему хребты и перевалы Большого Хингана, переправы через буруны горных рек, непроходимые пески и барханы пустыни Гоби. Горячий ветер с раскаленным песком

не давал дышать, сек лицо, обжигал губы, засыпал уши и ноздри. Не все бойцы конно-механизированной группы советско-монгольских войск генерала Плиева сумели одолеть этот путь и на последнем дыхании прорвать японский фронт. Последнее, что он помнил перед тем, как очнулся в госпитале, – упавшего перед ним замертво командира взвода. Военврач назвал Никиту везунчиком. В его ребре застряла «пуля на излете», прострелившая насквозь командира.

Никите было едва за двадцать, когда его избрали освобожденным секретарем комсомольской организации Одесского механического завода, а затем и станкостроительного объединения, насчитывавшего более десяти тысяч работников. Лесенка партийной карьеры началась здесь же.

Роль заводского парторга исполнил виртуозно. Партийных аппаратчиков всех уровней – от райкома до обкома – по первому их желанию снабжал всем, что можно было списать на заводе. Гостей из центра устраивал на шару в гостинице, кормил, поил, веселил.

Возможности возросли, когда назначили первым секретарем райкома партии. Теперь в его вотчине были все промышленные и торговые предприятия района. Не зря на лацкане его пиджака сияла юбилейная, к столетию Ильича, медаль.

Замуж Людку Никита – ее «Четвертый» – не звал. Два, как он говорил, учебно-тренировочных брака убедили его в преимуществе холостяцкой жизни. Баловал модной одежкой и дефицитными продуктами из «Березки», где отоваривались за чеки Внешпосылторга моряки, ходившие в загранку. Представляя Людмилу своим знакомцам, называл ее любимой женой. Не то чтобы Людку это устраивало, но претендовать на большее она боялась даже подумать, чтобы не спугнуть нежданное счастье. Жили они сначала то в Людкиной халупе на Старопортофранковской, то в Никитиных трехкомнатных хоробах на Новоаркадиевской, недавно переименованной в проспект Шевченко. На пятилетний юбилей их «совместной» жизни Никита подарил любимой ключи от кооперативной квартиры, правда, оформленной на свое имя.

На демонстрацию шли вместе. Даже ноябрьская холодрыга не могла омрачить празднование ВОСР. Так кратко называл про себя Никита октябрьский переворот, который лишь к концу тридцатых

годов стал претенциозно называться Великой Октябрьской социалистической революцией. Духовой оркестр с утра наяривал марши, патриотические и революционные песни. Весело разбирались знамена и транспаранты. За их пронос мимо трибун на Куликовом поле полагалось по десять рублей на нос. Портреты вождей доставались запоздавшим, за них давали только по пятерке. В подворотнях под ногами звякали опустошенные шкалики и поллитровки.

Возглавляла демонстрацию колонна ильичевцев во главе со знаменосцами, гордо несущими знамя района и переходящее Красное знамя за победу в городском социалистическом соревновании. За ними, переговариваясь и поглядывая назад, шествовали первые лица района – партхозактив во главе с хозяином – первым секретарем райкома партии Никитой Николаевичем Радужным. Не приближаясь, но и не отставая от начальства, нестройно вышагивали шеренги передовиков производства с кумачовыми лентами по диагонали туловища.

Между головой колонны и ее длинным, повторяющим контуры улицы хвостом, в меру бухие лабухи из заводской самодеятельности во время остановок шествия наяривали едва узнаваемые мелодии. Выпивали они почти в открытую, потягивая водку через трубочку, вставленную в шкалик, находящийся во внутреннем боковом кармане. Без дозаправки они отказывались играть, сетуя на замерзающие негнущиеся пальцы. Знаком начала и окончания музыкальных пауз служил хлопок Радужного в ладоши над головой.

Поравнявшаяся с трибунами колонна остановилась, чтобы в ответ на лозунги и призывы «Да здравствует...!» кричать «Ура!», «Слава!» и бурными аплодисментами приветствовать городских, областных и, возможно, более высоких начальников. От четкости и подобострастия выполнения этого ритуала часто зависела карьера, а то и судьба районных аппаратчиков. Но в репродукторах над трибунами что-то хрипело, булькало и свистело, что рассмешило и развеселило притоптывающую на холодном ветре толпу.

Пауза затягивалась, смех становился все громче. Никита напрягся – запахло возможностью отличиться, предотвратить назревающую политическую провокацию. Внутренний голос сдерживал амбиции, предупреждая: «Инициатива наказуема». Но желание

перепрыгнуть через ступени, ведущие к политическому Олимпу, победило. Выкрикнув несколько раз во все горло «Да здравствует...!», Радужный захопал, подняв руки над головой. Оркестр, не околевавший от холода только потому, что употребил весь водочный запас, встрепенулся. Приняв хлопок хозяина над головой за условный сигнал, оркестранты задудели и вдарили по клавишам, барабану и тарелкам веселый, разбитной и залихватский свадебный еврейский танец «Фрейлахс». Мгновенно рассыпавшись по всему Куликовому полю, побросав знамена, портреты и транспаранты, колонна превратилась в круги, кружочки и пары танцующих людей.

Из партии Радужного не исключили, но со строгачом из райкома поперли. Отказываться от места парторга в совхозе самого дальнего от города Кириевского района не стал. Ничего другого не умел и не хотел. Комнатой в общежитии обеспечили. Зарплату сносную положили.

Сначала возвращался каждую неделю на выходные. Летом привозил Людке все, чем богаты были совхозные сады и поля, осенью – сельские разносолы, зимой – парное мясо. Он нахваливал и причмокивал, жадно набрасываясь на домашнюю стряпню. Людка стирала и выглаживала его нательное и постельное белье. Млела от объятий и поцелуев.

Каким местом она почуяла измену, не могла понять, но женское чутье ее не обмануло. Приезжать стал раз-два в месяц. Белье в стирку не привозил. Ужиная, выпивал больше, чем прежде, и засыпал сидя, не раздеваясь. Завтракал молча, не глядя ей в глаза. Много курил, скрываясь за газетами, и, оставив деньги на оплату коммуналки, не обняв, уезжал. Выяснить отношения, ждать его покаяния или объяснений она не стала. Купила на рынке несколько необъятных самопальных баулов, со злостью напихала туда вперемешку платья, шубы, куртки, белье, туфли и сапожки. Высыпала в сумочку горстку золотых побрякушек. Присела на край дивана, поплакала и переехала к себе, на Молдаванку.

...Несколько раз Людка открывает глаза, но просыпаться не хочется. Осенью солнечные лучи поздно заглядывают в окна, выходящие во двор. Даже отраженные от ракушняка противоположного флигеля, они натываются на габардиновые гардины

и шифоновые прозрачные занавески – из немногих доказательств роскоши прежнего жилья.

Выкарабкавшись из-под пухового китайского одеяла и накинув халатик, она подходит к окну, приоткрывает задернутые гардины и выглядывает во двор. Гурьба пацанов, помогавших ей вчера затащить в квартиру баулы, уже собралась на крыше дворовой уборной напротив окна. Но она не торопится. Включила настольную лампу. Затемненное комнатное закулисье вспыхнуло в трельяже тройными прожекторами.

Подготовку к представлению начала с прически. Прямые от рождения Людкины волосы вдруг начали виться. Пришлось долго вытягивать их горячей плойкой. Не меньше времени отняла подрисовка побелевших бровей и глаз черным карандашом «Живопись». Баночки косметического вазелина «Норка» едва хватило, чтобы придать всему телу – от плеч до щиколоток – прежние живость и блеск. Горизонтальные бороздки на шее скрыла шелковым платочком.

Осмотрев себя со всех сторон в трельяже, Людка встряхнула головой. Вытянутые пшеничные волосы, не потерявшие свой блеск, рассыпались по плечам, придав Людке прежнее очарование. Придирчиво оглядев свою пышную грудь – ее главное женское оружие, она передела лифчик, подтянув бретельки. Затянула поясок прозрачного халатика, чтобы не видны были складочки на животе и талии. Еще раз полюбовалась собой в тройном зеркальном отражении, подошла к окну и рывком задернула гардины. Шифоновые занавески легким туманом прикрыли слегка расплывшую Людкину фигуру. Начиналась пятая Людкина жизнь...

